

Поезда удивительны. Путешествовать на поезде — значит видеть природу и людей, города, церкви и реки — то есть по большому счету видеть жизнь.

Агата Кристи

АЙОНА

08:05. Хэмптон-Корт — Ватерлоо

До тех пор, пока в восьмичасовом утреннем поезде прямо на глазах у Айоны не начал умирать мужчина, этот ее день был как две капли воды похож на все остальные.

Она всегда выходила из дома в половине восьмого. На обычных каблуках добиралась до станции минут за двадцать. Таким образом, до отправления пригородного поезда на Ватерлоо у нее в запасе оставалось четверть часа. Если же Айона надевала туфли на шпильках, то время ее пешего перемещения увеличивалось на пару минут.

Заблаговременный приход на станцию был предельно важен, если она хотела занять свое привычное место в третьем вагоне, что Айона только что и сделала. Новизна прекрасна в моде, в кино и даже в кондитерских деликатесах, но только не в ежедневных поездках на службу.

Не так давно главный редактор их журнала предложил Айоне начать работать удаленно. По его словам, это стало чертовски популярно и она вполне может трудиться, сидя дома. Он пытался выдать ее из офис-

ного пространства, соблазняя возможностью лишней час поваляться в постели и более гибко управлять своим временем. Когда этот трюк не удался, он нашел еще более жуткий способ, лишив Айону постоянного места в офисе. На редакционном сленге это называлось «горячими столами»¹, а по сути представляло собой не что иное, как заурядную дележку. Делиться чем-либо с другими Айона не любила даже в детстве. Маленькое происшествие с куклой Барби крепко запечатлелось в ее памяти и, несомненно, в памяти ее одноклассников тоже. Нет, этой женщине были необходимы границы личного пространства. К счастью, коллеги Айоны быстро узнали, какой именно стол она предпочитает, и он из горячего превратился в достаточно холодный.

Айона любила офисную жизнь. Она с удовольствием общалась в редакции со своими коллегами покладше. Те знакомили ее с новейшими разновидностями молодежного жаргона, давали послушать свою любимую музыку и рассказывали о том, что стоит посмотреть на «Нетфликсе». Айоне было важно держать хотя бы один палец на пульсе времени. На Би — да хранит ее Господь! — теперь надеяться не приходилось.

Однако сегодня Айона не особо стремилась на работу. Главный редактор журнала запланировал провести нынче всестороннюю аттестацию сотрудников. И она почувствовала себя слишком уязвимой. В та-

¹ Система распределения рабочих мест в офисе, когда столы не закрепляются за сотрудниками на постоянной основе, а каждый занимает тот стол, который в данное время свободен. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ком возрасте, а ей уже исполнилось пятьдесят семь, не каждому понравится, когда тебя оценивают слишком пристально, рассматривая под разными углами. Некоторые аспекты лучше оставить воображению, а если честно, то и совсем не затрагивать.

И потом, что этот тип вообще знает? Подобно полицейским и врачам, редакторы в их журнале год от года становились все моложе. Нынешний — даже трудно поверить — появился на свет уже после создания Всемирной Паутины. Он не представлял, что телефоны когда-то висели на стене, а для проверки фактов люди обращались к Британской энциклопедии.

Айона с налетом грусти вспоминала, как проходили аттестации в былые времена, когда она еще только начала работать в журнале. Это было почти тридцать лет тому назад. Даже самого слова «аттестация» в редакционном лексиконе тогда не существовало. Сотрудники устраивали «ланч», собираясь в ресторане «Савой-гриль». Единственным минусом была необходимость вежливо снимать со своего бедра толстую потную руку главного редактора, который так и норовил потрогать молодую женщину под столом. Но Айона прекрасно умела это делать, а неудобство, доставляемое ей, с лихвой компенсировалось сочным голавлем, мякоть которого услужливый официант, говоривший с французским акцентом, ловко отделял от костей, и бутылкой охлажденного шабли. Она стала вспоминать, когда в последний раз кто-то, за исключением Би, попытался лапать ее под столом, и не смогла. С начала девяностых эти поползновения прекратились.

Перед выходом из дома Айона взглянула на себя в зеркало, висевшее в прихожей. Сегодня она нарядилась в свой любимый красный костюм — тот самый,

что недвусмысленно заявлял: «Я не шучу» и «Даже не думайте об этом, мистер».

— Лулу! — крикнула она, обнаружив, что французская бульдожица сидит возле ее ног, готовая к выходу.

Еще одно создание, ценящее привычки и устоявшиеся традиции. Айона наклонилась, прицепив поводок к ярко-розовому ошейнику. На ошейнике красовалась брошь из искусственного бриллианта, где было выгравировано имя собаки. Би не одобряла аксессуаров Лулу. «Дорогая, это же пес, а не ребенок», — постоянно говорила она, хотя Айона и сама прекрасно знала разницу. По мнению Айоны, нынешние дети были весьма эгоистичны, ленивы и заносчивы, чем разительно отличались от ее дражайшей Лулу.

Открыв входную дверь, Айона обернулась к лестнице и крикнула, как всегда:

— Бай-бай, Би! Я поехала на работу. Я буду по тебе скучать!

Как место посадки в поезд станция Хэмптон-Корт имела определенные преимущества. Здесь был самый конец линии. Или же ее начало. Все зависело от того, в каком направлении ехать.

«Жизнь преподносит нам урок, — думала Айона. По ее собственному опыту, большинство концов оканчивались замаскированными началами. — Надо будет написать об этом в колонке, которую я веду».

Если прийти пораньше, застанешь поезд еще сравнительно пустым. Это означало, что Айона могла сесть в свой любимый третий вагон и занять свое любимое место в седьмом ряду, справа, за столиком, лицом по ходу поезда. Она всегда предпочитала нечетные

цифры четным. Ей не нравилось все слишком круглое и удобное.

Айона уселась, посадив Лулу на соседнее место, и принялась расставлять на столике необходимые предметы: термос с зеленым чаем, богатым антиоксидантами, замедляющими старение; фарфоровую чашку и такое же блюдо, поскольку пить чай из пластиковых чашек было для нее невысказано в любых обстоятельствах. Затем она достала почту, которую утром вынула из ящика, и айпад. От вокзала Ватерлоо ее отделяли десять станций, и за тридцать шесть минут пути она великолепно успевала подготовиться к рабочему дню.

После каждой остановки в вагоне становилось все болеелюдно, но Айона продолжала успешно трудиться в своем маленьком пузыре, никем не узнаваемая и смешавшаяся с общей массой. Одна из тысяч типичных пассажирок пригородных поездов, на которую никто не обратит ни малейшего внимания. Естественно, никто и не заговорит ни с нею, ни с кем-либо из попутчиков. Это исключено. Каждый знал Второе правило проезда в пригородных поездах: «Вы можете кому-то кивнуть, если видели этих людей достаточно часто, и даже — в самом крайнем случае — обменяться иронической улыбкой или закатить глаза, выслушав объявление по вагонной трансляции. Но вы никогда не станете ни с кем заговаривать, если только вы не чокнутый». А Айона, что бы о ней ни говорили, чокнутой не была.

Непривычный шум заставил ее поднять голову. Она узнала мужчину, сидевшего напротив. По утрам она его почти не видела, зато часто встречала на обратном пути, садясь в Ватерлоо на поезд в 18:17. Айона

давно заметила, что мужчина этот всегда был одет с иголочки. При иных обстоятельствах это вызвало бы у нее восхищение, но впечатление изрядно портила его заносчивость. Такое может проявляться только у белых мужчин, имеющих традиционную ориентацию и очень высокий достаток. Доказательством того служили его манера сидеть, широко расставив ноги, и излишне громкие беседы по мобильному телефону о рынках и позициях. В одном из таких разговоров он упомянул жену, назвав ее «кандалами на ногах». Он всегда выходил в Сербитоне, что казалось Айоне как-то не слишком совместимым с его статусом. Всем знакомым пассажирам — естественно, лишь визуально знакомым — она давала прозвища. И этого типа про себя называла Щеголеватый-Сексист-Сербитонец.

Однако сейчас от его самодовольства не осталось и следа. Он находился в крайнем смятении. Наклонившись вперед, мужчина схватился за горло и издавал нечленораздельные звуки; нечто среднее между кашлем и рвотой. Рядом с ним сидела хорошенькая девушка с рыжими волосами, заплетенными в косу, и безупречно гладкой кожей. Она вряд ли задумывалась о свойствах своей кожи, принимая их как должное, хотя когда-нибудь будет вспоминать былые времена с восторгом и грустью.

— С вами все в порядке? — спросила девушка.

Зачем спрашивать? И так ведь ясно, что ему плохо. Мужчина поднял голову, попытавшись что-то сказать, и не смог. Кажется, слова застряли у него в горле. Жестами он показывал на недоеденный фруктовый салат, стоявший перед ним на столике.

— Наверное, он подавился клубничной. Или виноградиной, — заметила девушка.

Ситуация была критической, и не столь важно, какой именно ягодой подавился их сосед. Отложив книгу, девушка похлопала его по спине между лопаток. Однако сделала это мягко. Зачастую такие похлопывания сопровождаются словами: «Хороший песик». Тогда как сейчас требовалось нечто совершенно иное.

— Нужно стукнуть посильнее, — сказала Айона.

Перегнувшись через столик, она похлопала мужчину уже не ладонью, а крепко сжатым кулаком. Это доставило ей удовольствие, весьма неуместное в подобных обстоятельствах. На мгновение бедняга затих, но тут же снова стал давиться. Его лицо покрылось пурпурными пятнами, а губы начали бледнеть.

Неужели он умрет прямо здесь, в вагоне утреннего поезда? Неужели не доедет до Ватерлоо живым?

ПИРС

08:13. *Сербитон — Ватерлоо*

Сегодня Пирс напрочь выбился из привычного графика. Начать с того, что он сел не на тот поезд, каким обычно ездил. Ему нравилось появляться в Сити еще до открытия рынков, однако нынче весь дневной распорядок полетел вверх тормашками, поскольку вчера Кандида уволила очередную гувернантку-иностранку.

В этом году Магда была у них уже третьей по счету гувернанткой, и Пирс лелеял надежду, что девица продержится хотя бы до конца школьной четверти. А потом они с Кандидой раньше срока вернулись с отвратительного уик-энда *en famille*¹ и нашли Магду в постели с ландшафтным архитектором. Помимо этого, они обнаружили также следы кокаина и свернутую банкноту, лежащую на твердой обложке книги Джулии Дональдсон «Груффало». Возможно, Пирс и сумел бы убедить Кандиду оставить Магду, сделав той солидное внушение. Как-никак у гувернантки был выходной день. Но осквернение любимой книжки детей стало для жены последней каплей. «Как я могу снова

¹ Семейный, в семейном кругу (*фр.*).

читать эту сказку и не представлять при этом Томазо, шарящего в глубокой чаше Магды?» — орала Кандида.

Однако на этом неприятности не закончились. Когда Пирс наконец-то сел в поезд на платформе Сербитон, то увидел, что единственное свободное место находится напротив странной тетки и ее плоскомордой, хрипло дышащей собачонки. По утрам он не сталкивался с нею, зато до противного часто видел на обратном пути. Очевидно, Пирс был не единственным пассажиром, старавшимся избегать дамочку, поскольку обычно места вокруг нее пустовали.

Сегодня Чокнутая Собачница выглядела просто смехотворно. Она вырядилась в ярко-красный твидовый костюм. Такая ткань куда больше подошла бы для обивки мебели в начальной школе.

Пирс быстро прикинул в уме, что лучше: простоять весь путь до Ватерлоо или сесть напротив этого дивана на каблуках. Потом он увидел, что рядом со свободным местом сидит весьма привлекательная девушка, которую он тоже прежде часто встречал в пригородных поездах. Пирс заметил у нее между двумя передними зубами небольшую щербинку — маленькое несовершенство, что добавляло лицу шарма, делая его не просто хорошеньким, а притягательным. Кажется, однажды он даже подмигнул красотке. Бывают такие молчаливые моменты общения между привлекательными и успешными пассажирами, погруженными в море посредственности и чувствующими себя как гоночные машины экстра-класса на автостоянке возле дешевого супермаркета.

Пирс мысленно прикинул возраст девушки. Где-то ближе к тридцати. На ней были облегающая розовая юбка, открывающая красивые ноги, к сожалению спря-

таннные под столом, белая футболка и черный блейзер. Должно быть, она работала в каком-нибудь трендовом медицентре, где позволяли так одеваться всю неделю, а не только по пятницам. Видя такое лакомство для глаз, он решил сесть рядом.

Достав телефон, Пирс начал проверять основные сделки. На прошлой неделе он потерял кучу денег и поэтому сейчас должен был проявить осмотрительность. Вознеся мысленную молитву богам рынков, Пирс потянулся к фруктовому салату, купленному в привокзальном супермаркете, взял виноградину и сунул ее в рот. Позавтракать дома не удалось. Он только и делал, что пытался заставить детей завтракать, а те упирались и кричали: «Где Магда? Мы хотим Магду!» В кондитерской секции супермаркета Пирс засмотрелся на булочки с шоколадом, но Кандида запретила ему есть сладкое, заявив, что муж толстеет. Толстеет? Ха! Да для своего возраста он находился в превосходной форме. И тем не менее, помня, что сидит сейчас рядом с привлекательной девицей, Пирс подобрал живот.

Он жадно вглядывался в цифры, ползущие по экрану мобильного. Ему не померещилось? «Дартингтон диджитал» — явный успех. Пирс непроизвольно резко вдохнул и вдруг почувствовал, как ему заклинило горло. Он попытался перевести дыхание, но лишь глубже протолкнул этот клин.

«Спокойно, — приказал себе Пирс. — Не теряй голову. Это всего-навсего виноградина. Рассуждай трезво».

Однако нормально думать не удавалось. Его захлестнула волна страха и беспомощности.

Пирс громко ударил руками по столу и выпучил глаза, в молчаливой мольбе обращаясь к обеим жен-

щинам. Потом кто-то похлопал его по спине, но это был скорее массаж, а здесь требовался прием первой помощи. Слава богу, затем его ударили со всей силой. Ну, теперь-то получится? С невероятным облегчением он почувствовал, как проклятая виноградина чуть сдвинулась... и тут же вернулась в прежнее положение.

«Я не могу отдать концы прямо здесь и сейчас, — думал Пирс. — Только не в этом отвратном пригородном поезде, в окружении ничтожеств и фриков». Следом явилась еще более удручающая мысль: «Если я сейчас умру, Кандида все узнает. Она поймет, чем я занимался, а дети вырастут, зная, каким неудачником на самом деле был их отец».

Скрючившись над столом, Пирс краем глаза видел, что красный твидовый костюм встал. Это было похоже на извержение вулкана. Следом раздался оглушительно громкий голос:

— В ВАГОНЕ ЕСТЬ ВРАЧ?!!

«Ну пожалуйста, пожалуйста, пусть в вагоне окажется врач. — Он бы отдал сейчас что угодно за возможность свободно дышать. — Вселенная, ты меня слышишь? Помоги! Это же в твоей власти».

Пирс закрыл глаза, но по-прежнему видел что-то красное: то ли призрак твидового костюма, то ли набрякшие кровеносные сосуды за глазными яблоками.

— Я медбрат! — послышалось у него за спиной.

Прошло несколько секунд, показавшихся ему вечностью. Потом чьи-то руки крепко обхватили Пирса сзади, подняли на ноги и со всей силы трижды ударили в живот.

САНДЖЕЙ

08:19. Нью-Малден — Ватерлоо

«Сегодня я наконец сделаю это», — думал Санджей, шагая к станции Нью-Малден, чтобы сесть на свой обычный утренний поезд. Сегодня он соберет все имеющееся у него мужество и заговорит с Девушкой-из-Поезда. Санджей заранее продумал, что именно ей скажет. В дороге она всегда читала какую-нибудь книгу. Настоящую, бумажную, а не электронную. Аудиокниги она тоже не жаловала. Это являлось одной из многих причин, подсказывавших Санджею, что между ними установятся прекрасные отношения. На прошлой неделе Девушка-из-Поезда читала роман Дафны Дюморье под названием «Ребекка». Санджей раздобыл в местном магазине экземпляр книги и за выходные прочел несколько первых глав. Поэтому сегодня (будем исходить из того, что девушка все еще продолжает читать этот роман) можно будет спросить, какого она мнения о миссис Дэнверс. Великолепное, весьма оригинальное начало для разговора, дружеского и интеллектуального одновременно.

По дороге на станцию Санджею обычно попадались двое его коллег и приятелей, с которыми он де-